

ПАРИЖ <sup>учащенно</sup> дышит воздухом искусства. Открываются выставки, полны театры и концертные залы. Будучи приглашенным на три спектакля, я должен был согласиться спеть и четвертый — «сверхплановый». В целом моя нагрузка оказалась немалой, если учесть еще гастроль в Ницце, участие в симфоническом концерте, выступление по радио и телевидению, а увидеть хотелось многое. В какой-то мере мне удалось осуществить свои желания, и об этом я расскажу.

Но прежде всего о работе. На первой же репетиции «Бориса Годунова» я встретился со старыми друзьями: превосходным дирижером Жоржем Себастьяном, профессором вокала Жаном Жиро — исполнителем Шуйского, Сюзанной Саррока (Марина Мнишек), Жераром Серкьяном (Пимен). Раньше я выступал с этими артистами. Все они — хорошие певцы и очень симпатичные люди. Новым для меня был Самозванец — молодой Ги Шовэ, у которого, по-моему, отличные перспективы. Побывав в гостях у Жиро, с удовольствием отметил, что радушие и сердечность — общая черта французов и русских.

Я спросил, почему в Париже не готовят своего Годунова? Мне ответили, что не видят подходящей кандидатуры. Поэтому опера Мусоргского, пользующаяся

такой огромной популярностью на Западе, идет даже в Париже только с гастролерами: Россилемини, Чангалович, Христов...

После Годунова я пел с дирижером Луи Форестре Мефистофеля в «Фаусте». Ансамбль в этой опере далеко не первоклассный, хотя хороша Маргарита — С. Саррока. Это явление редкое для наших театров — одна исполни-

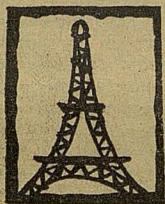
са Эрнест Бланк — Валентин. Но в «актерском мастерстве» здесь главное — взять ноту, занять удобную для исполнения арии позицию, принять картинную позу. Удивительно: словно и не было Шаляпина, который собственным примером пропагандировал и утверждал

ма пристальное и благожелательное внимание публики.

Всякое новое конкретное подтверждение тезиса, что в Советском Союзе уровень искусства высок, имеет, как я мог убедиться, чрезвычайно важное значение.

Побывав в Монтенарло, я обратил внима-

Иван ПЕТРОВ,  
народный артист СССР



# Мой «французский» МЕСЯЦ

тельница партий сопрано и меццо. Однако француженка одинаково уверенно и легко проводит партии и Мнишек, и Маргариты...

В Ницце было то пасмурно, то солнечно: несмотря на традиционный весенний карнавал, весна еще не вступила в свои права. Но прием был таким же горячим, как в Париже. В здешнем оперном театре (он нарядный и уютный) постоянно только хор и оркестр. Солисты же приглашаются и французские, и из других стран. Разумеется, ни о каком стилевом единстве такой труппы не может быть и речи.

Среди исполнителей «Фауста» были и понастоящему талантливые. И прежде всего обладатель великолепного голо-

реалистическое искусство оперного пения, его выразительность и осмысленную красоту. Исключения вроде Узнова, Марио дель Монако, Россилемини поистине «не делают погоды». Столь близкие нам понятия «передачи эстафеты обновленных традиций», «реформ Станиславского и Немировича-Данченко в музыкальном театре» здесь чужды и даже кажутся никому не интересными. Не знаю, так ли это, но у меня сложилось именно такое впечатление.

А между тем знатоков и любителей музыки здесь великое множество. Симфонический концерт, в котором дирижировал Геннадий Рождественский, а я пел русские арии, привлек весь

на одну афишу: югославские артисты привезли сюда «Хованщину» Мусоргского. И, как мне сказали, спектакль пользовался большим успехом. Почему же мы сами с нашей русской «Хованщиной», «Князем Игорем» или «Годуновым» не можем выехать в зарубежное турне? Неужто нам нечем гордиться и нечего показать?

А теперь — впечатление. Самое яркое — встреча с Морисом Торезом. Мы увиделись в музее Фернана Леже. Круглолицый, легко опираясь на палку, легендарный Морис Торез шел, улыбаясь и приветливо говоря:

— Я узнал, что вы собираетесь сюда, и приехал специально, чтобы пригласить вашу жену

и вас пообедать со мной. Поедемте, пожалуйста, — обед уже заказан...

Надо ли говорить, как мы были обрадованы и польщены столь любезным приглашением. В маленьком ресторанчике в Канне оживленный, остроумный, неповторимо обаятельный хозяин говорил о нашей стране с огромной теплотой и любовью.

Естественность, простота, жизнелюбие То-

лько потому, что оасовцы перепутали его домашний адрес: пострадал однофамилец и тезка. По счастливой случайности он остался в живых и с чисто французской насмешливостью рассказывал потом о случившемся...

Но никакие, даже воспитательные черты национального характера, никакая ирония и юмор не могут нейтрализовать бандитизм. Это отлично понимают сами французы. Когда сегодня оасовцы бесчинствуют на улицах Парижа, завтра на текстильной фабрике ткачихе взрывом отрывает руку и за это и многое другое никто не несет ответственности, то после завтра можно ожидать самых печальных последствий такой нарочитой беспечности властей.

А в Париж пришло увлечение живописью. И было чем! В галерее на площади Согласия была открыта выставка произведений импрессионистов из частных собраний.

В Лувре я наслаждался новой экспозицией творений моей давней любви — Коро. Незабываема большая выставка картин и офортов Гойи.

Генеральный секретарь дирекции «Гранд-опера» г-н Фабр Лебре повез нас в Версаль. Дворец ремонтируется, картины в реставрации. Но Версаль всегда прекрасен — гармония его ансамбля чарует, как музыка. И расстаешься с ним, как с Парижем: мечтая о новой встрече.

Милейший человек — мэр Ниццы г-н Медсен рассказывал мне, что его заместитель тоже подвергся нападению: в его квартире взорвалась оасовская бомба, сам же он чудом уцелел... Жорж Леон из «Юмани-те» остался в живых